

Сегодня исполняется 160 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского

...ИЗ ПОДРОСТКОВ СОЗДАЮТСЯ ПОКОЛЕНИЯ

Вот уже более века существует школа Достоевского. В огромном значении его нравственных уроков сомневаться не приходится, впрочем, как и в количественном росте его учеников. Но насколько велик их возрастной круг?

Оказывается, как ни сложен художественный мир Достоевского, приобщиться к нему могут и должны не только люди взрослые, со зрелым взглядом на жизнь, но и совсем юные, пока лишь разгоряченные жаждой абсолютной самостоятельности, спешащие поскорее махнуть за порог родительской опеки. Такому приобщению помогает сам писатель, посвятивший немало страниц юношам и особенно детям, которые представляются ему как бы воплощенным мералом нравственности взрослых.

Не случайно, у Достоевского самым страшным, ужасным преступлением считается детоубийство, а самым «святым», обретающим истинную человека, становится герой с «глубинной» душой, которого любят и к которому тянутся дети. Все человеческое страдание открывается Мите Карамазову в словах, сказанных ему во сне ямщиком, «по-своему, по-мужицки» («дите плачет»...).

«Дите» для Достоевского — это отнюдь не символ природного добра и чистоты в человеке с подполковой евангельского тезиса: «Только дети обретут царствие божие». Гуманизм великого писателя — в его умении разглядеть даже в ребенке полноценную личность, человека с большой буквы.

«Меня всегда поражало, — говорит князь Мышкин, — как плохо знают большие детей... От детей ничего не надо утаивать под предлогом, что они маленькие и что им рано знать. Какая грустная и несчастная мысль!»

Детей, подростков, юношей в произведениях Достоевского всегда отличает зрелость ума, серьезность духовной работы. Вспомним, например, Пелли («Униженные и оскорбленные»), Соню Мармеладову («Преступление и наказание»), Ипполита Терентьева («Идиот»), Колю Красоткина

(«Братья Карамазовы»). И, наконец, подростку посвящается отдельный роман.

Его герой — «окончивший курс гимназист» Аркадий Долгорукий — становится вровень со взрослыми «идеологами» Достоевского. Сама же идея Аркадия стать Ротшильдом, по своей значительности не уступает наполеоновской идее Раскольникова. Но, как это всегда происходит у Достоевского, дело заключается не в идее. Инициацию силы художественного мира писателя — страсти и поступки посетителя этой идеи. У героя-подростка они к тому же окрещиваются еще и юношеским романтизмом. Это вовсе не значит, что Аркадий отбрасывает под сознательной чувствительности и слепо повинувшись сердечным стремлениям. У Достоевского ни один человек не стоит в стороне от умственной «страды». Вот главное.

Алеша Карамазов говорит о старшем брате Иване: «Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно лишь мысль разрешить». Эту характеристику можно справедливо отнести и к Аркадию Долгорукому, для которого само содержание идеи обогащения отступает на задний план. Упорная работа мысли подростка идет над осознанием соотношения мечты с реальными жизненными шагами.

Незапланированные встречи, казалось бы, со случайными людьми, невольное свидетельство чужой драмы, наконец, забота о благополучии собственной семьи — все это отблекает героя от осуществления его мечты. Отзывчивая добрая душа Аркадия делает его главным участником, хотя и необычной, но вполне земной, жизненной истории, которая зримыми и незримыми нитями крепко связывает Долгорукого, забывшего о своей «ротишфильской» миссии, с чужими

человеческими судьбами. Идея же, у которой жизнь отобрала хозяина, постоянно отодвигается в сторону, оставляется, как ненужный придаток.

Аркадий, терпеливо выпанивающий и лелеющий свой замысел, вынужден признать себе, что, во-первых, идея может увлечь до неясности впечатлений и отвлечь от текущей действительности; во-вторых, «никакая идея не в силах увлечь... до того, чтобы я не остановился вдруг перед каким-нибудь подавляющим фактом и не пожертвовал ему разом всем тем, что уже годами труда сделал для «идеи». Очень важно, что последний вывод Аркадий сделал после того, как он спасает трехлетнего подкидыша в ущерб своей «великой идее».

Так, напряженно разбирался в смысле отмен или утверждений жизнью желаемого, пытается Аркадий Долгорукий обрести свою нравственную позицию в человеческом мире.

Какой же отсюда урок для под-

ростков нашего века? С самого начала, с первого самостоятельного жизненного шага учиться кропотливо искать, по словам Достоевского, «руководящую нить поведения, добра и зла». Роман заканчивается знаменательной фразой: «...из подростков создаются поколения».

Само слово «подросток» происходит, вероятно, от слова — «подрост», которое растолковывается в словаре следующим образом: «молодые деревья, растущие под пологом леса, способные занять место старого древостоя...»

Доверие Достоевского к глубине и серьезности юношеского, даже детского, ума — признак заботы великого художника как раз о духовных способностях молодого поколения идти на смену старому. А это существенный момент нравственного благополучия всего общества людей.

Ю. БОРОДИН,
преподаватель Белогорьской средней школы.